

ТЕБЯ ПОЗДРАВИТ ОСЕНЬ

Август – моя пора. Отцвёл нежный, прохладно-благоуханный июнь – обещающий, маняще-унылый, отшумел июль – жаркий, безудержный, страстный, ошибающийся, зрелый, пришёл август – спокойный, разочарованный, утомлённый, но всё ещё бархатисто-пленящий, нахально-красочный, дурманяще-ароматный. Мой август. Неторопливый, рассудительный, пока не торопящийся подводить итоги, однако разумный, почти расчётливый.

Стучит, стучит в окно жёлтой пятипалой листой. Жёлтый – не мой цвет. Да и не время ещё осеннему цветению. Мои цвета – белый, небесно-голубой, иссиня-зелёный, аки морская волна, пурпурно-красный. Чистота, мечта, бурная страсть. И всё это краски августа, как, впрочем, и жёлтый – цвет случайных опавших листьев, цвет разлук и ошибок.

Август, ты вновь возвращаешь вернувшееся, забытое ожидание – последнее, оттого и наиболее пронзительное, печальное, обречённо-невозможное. Вместе с августом всегда приходит он – мучительно-долгожданный, неизменно-разочаровывающий, пугающий и предательски-обманчивый.

Сегодня он пришёл опять. И опять обманул. А ты и знала, что по-другому быть не могло. Ты знаешь это каждый раз и всё же томительно ждёшь, изо всех сил притягивая ускользящее здравомыслие, облачаясь в напускное равнодушие, тщетно пытаешься унять учащающийся пульс, разбегающиеся неуёмные мысли, укромные, вытесненные желания.

Особенно мучительно-тревожными становятся дни три-четыре перед его приходом. Встречи не избежать, как не избежать очередного разочарования, к которому нельзя ни привикнуть, ни привыкнуть, а значит, опять не уйти ни от боли, ни от страдания. Ты начинаешь метаться, как пойманный в силки зверь, придумываешь пути к отступлению – отключить телефон, уехать – куда? к кому? – купить новое, ненужное платье – зачем? для кого? Потом, обессиленная, успокаиваешься – принимаешь обман как данность, как явленную неизбежность,

машинально готовишь лишнее, дежурное угощение, стыдишься навязчивых, неискренних поздравлений, фальшивых тостов и потом всю ночь переживаешь за коллег, перебравших по твоему поведению коньячка.

И всё это время ждёшь, ждёшь, мучительно, напряжённо ждёшь одного-единственного звонка-письма-сообщения. Потом не выдержишь – звонишь сама, предварительно прорепетировав всеёлюю, радостную интонацию своего голоса, и усиленно пытаешься поверить, что «ты опередила, вот только собирался!» И опять, опять ждёшь самой малости. Ждёшь всего! Праздника. Но он каждый раз обманывает.

Не обманул лишь однажды. Давно, в детстве, отец подарил маленькие позолоченные часики с корундовым стеклом. В классе часы были только у тебя, и все поочередно шёпотом спрашивали: «Сколько до конца урока?» – пока грозная училка, подняв очки на лоб, строго не говорила: «Альве, ещё раз придёшь в школу с часами – на урок не пушу».

Когда, в какой момент ты стала его бояться, – теперь и не вспомнить. Как и не вспомнить, когда ты стала так мучительно-навязчиво, скрывая и всеми силами гася в себе это, ждать подарка – дара – талисмана – амулета – вещественного, неисчезающего, убеждающего тебя доказательства его любви. Когда это случилось, почему? Зачем? Когда тебе мало стало слова – легковесного, не выстраданного, изменчивого, сказанного вскользь, возможно, не только тебе, сказанного не навсегда?

Давно, очень давно, ты подумала, что тотем этот – обручальное кольцо. И не раздумывая – сравнить было не с чем, не с кем – ты согласилась. Кольцо выбирала его мать – объезжая не один магазин, торгуясь, советуя вовсе не то, что нравилось тебе. И не было главного – праздника. Не было момента, когда остро, осязаемо ощущаешь счастье – вот оно, в твоих руках, в этой самой бархатной коробочке, и ты можешь достать его, когда захочешь, погладить пальчиком, примерить – какова? – и, убедившись – оно есть, есть у тебя! счастье! – опять спрятать в коробочку, далеко-далеко, к самому сердцу.

Потом как-то незаметно ты просто стала ждать не самого тотема, а превращения в него – любой мелочи, любого самого обычного презента. Помнишь, как долго ты клала на ночь под подушку подаренные деревянные бусы из сандалового дерева

в продолговатом пластмассовом футляре, чтобы, засыпая, держать их в руке – вот оно, моё счастье, здесь, со мной, – а проснувшись утром – сразу же нащупать, будто поздороваться за руку, прикоснувшись к любимому. Коробочка, правда, скоро треснула – то ли ты сильно её сжимала, чтобы не упустить своего счастья, то ли само счастье надломилось.

А однажды, помнишь, помнишь, он сказал тебе – между делом, просто так, и разговора даже никакого не было, и до дня рождения далеко – он сказал: «Мы купим тебе колечко». И у тебя перехватило дыхание. Ты не ответила. Ты боялась поверить – не услышалась ли. Ты боялась спугнуть ненароком залетевшую мечту, чудом угаданное тайное желание. Ты ничего не просила, только ждала – вместе выбирать, поверить, оставить у себя навсегда.

Он не успел купить тебе колечко – разлюбил раньше.

И ты перестала ждать. Только стала бояться – вдруг подарят что-то, ну бывает же, а тебе покажется, пригрезится, опять обманется.

А как-то, вспомни, поздней осенью, в дождь, ты возвращалась с работы. Тебя окликнул бывший одноклассник. И вы так здорово проболтали с ним под одним зонтом, ну, наверное, с полчаса. Хохотали, вспоминая школу, добрейших учителей, смешные случаи из школьной жизни.

– Ой, а где теперь Алексеев? Столько лет не виделись.

– Да у него трое детей.

– А Серёга Новиков?

– На Балтийском флоте, офицер.

– Ничего себе! Никогда бы не подумала – такой разгильдяй был.

– Смотри, – сказал он, доставая из кармана

жёлудь. – Больше ничего нет. – И, смущаясь, добавил: – Возьми на память.

Вы опять засмеялись. Звонко, заливисто, легко, будто догоняя смехом друг друга. Так безудержно, беспричинно можно было смеяться только в детстве. Жёлудь тот ты долго носила в сумке, пока вместе с сумкой не выбросила. Вот он – тотем, вот дар, амулет, которого так ждала. Отдал всё, что было. И неважно, что это всего лишь жёлудь.

А теперь я иду по широкой тенистой аллее. Колец её скрыт где-то за деревьями. Я иду, и со мной мой август, солидный, уважаемый, импозантный. Он нежно обнимает меня за плечи – то ли август, то ли уже повеявший ранним осенним холодком вечер. Я его очень люблю. А он и не знает об этом, не может знать, а значит, и принять не может. Меня никогда не было в его жизни. Так почему он? Просто именно на нём свела я лучи своих тайных мечтаний, надежд, стремлений, своих безмерных фантазийных чувствований, безутешных страданий. Эти лучи должны были обязательно долететь до кого-то, в ком-то отразиться, чтобы послать обратно свой заряд, свою энергию, свою любовь. Всю жизнь я жила этим отражением. И совсем не имеет значения, что светило было остывшее, потухшее миллиарды лет назад, ещё до моего рождения.

Я иду дальше. Я ничего не жду. Я многому научилась. Я даже уже не боюсь его – своего дня рождения. Август не кончается. «Я с тобой, я буду тебя защищать», – шепчет он ветром мне в самое ушко. Он со мной, он навсегда – мой август. А впереди ещё приветливый, щедрый, обещающе-расточительный сентябрь. Он приподнимает в приветствии свою бездонно-облачную шляпу и напевает мне мелким синкопирующим дождиком: «Радость моя! С днём рождения! Тебя поздравит осень!»

ВИД ИЗ ОКНА

Что-то было не так. Что-то саднило, докучало, мешало, как мелкий пляжный камешек, попавший под пятку. Хотелось остановиться, встряхнуть обувь, освободиться, вернуться к прежнему комфорту. Ему ли – успешному, уверенному в себе, добившемуся всяческих высот и реализовавшему все мечты – ему ли обращать внимание на какие-то мелочи.

День выдался, как всегда, насыщенный. Он только приехал из длительной заграничной командировки, нужно было сдавать отчёты, встречаться с шефом, на ходу решать множество дел, пить кофе, ловить восхищённые, многообещающие взгляды сотрудниц, попутно для себя делая ежеминутный выбор, дежурно улыбаться и любезно, терпеливо отвечать на расспросы коллег... Да мало ли что ещё, всего не упомнишь.

И только вечером, опять испытав это не забывшееся за день, тревожащее беспокойство, он мысленно остановил свой бег, чтобы понять причину дискомфорта.

Он давно ни в чём не нуждался. И ни в ком. Всё необходимое у него было. Деньги, свобода, общественное положение, внимание женщин. Чувств ка-

ких бы то ни было ни к кому он никогда не испытывал. Зачем? Секс давно уже стал всего лишь физиологической потребностью, как чистка зубов по утрам или опорожнение кишечника.

Крепкая нервная система, здоровое питание, всегда ровные, бесстрастные отношения с коллегами – причин для беспокойства не было. И на тебе – камень в ботинке! Не выброси его сей же час – пожалуй, разотрёшь пятку! Придётся остановиться.

А в чём, собственно, дело?

Мимоходом перебирая в памяти события сегодняшнего дня, он мысленно спешно отбрасывал их в сторону как не заслуживающие внимания. Стоп! Яркая вспышка фотокамеры. Промелькнувшая фамилия, не вызвавшая никаких ассоциаций. Случайно, краем глаза увиденная рецензия на новый поэтический сборник. Неужели? Инициалы те же.

Он припарковался в первом подходящем «кармане» и достал из бардачка просмотренную втропях по диагонали, сложенную вчетверо газету. Прочёл-проглотил два-три приведённых там стихотворения. Медленно, останавливаясь на каждой строфе, перечитал во второй раз. Кто бы мог поду-

мать? Он вынул пачку дорогих сигарет, привезённых в подарок – сам давно не курил, – машинально достал одну, смял её в пальцах, достал другую, долго и нервно искал зажигалку, забыв о прикуривателе, наконец жадно затянулся. Кто бы мог подумать? Опять взял газету. Немудрёные стихотворные строки поразили каким-то безыскусным очарованием и неожиданностью мысли. Откуда сие? Не мог же он раньше пропустить это – не рассмотреть, не почувствовать?

Мимо мчались машины. Он курил одну сигарету за другой, не в силах сбросить внезапно подступившее комком к горлу прошлое. Отключив ставший назойливым мобильник, он тихо сидел в каком-то опьянившем его оцепенении. Ненароком закатившийся под пятку, так мешающий камешек теперь не хотелось выбрасывать.

И впервые за долгие-долгие годы появилась мечта, ещё не совсем оформившееся и совсем не понятное по цели, смыслу и способу реализации желание.

По сути, это был уже другой человек. Вернее, не уже – ещё! Это был другой, возможно, прежний, не рассуждающий, поддающийся первому душевному порыву человек. Душевному? Что это такое?.. Как много вспомнилось, ощутилось прикосновением, почудилось робким объятием, несмелым поцелуем. Как закружилось, закрутилось, перемешалось всё в голове – в сердце? в душе, которая ушла, ука-

тилась, всё к тому же камешку в пятке?

Где вы, столькое годы, проведённые без... На что-то, кого-то потраченные... Где ты, слепая, не увидевшая, не разгадавшая, остановленная разумом душа? Где мудрость ваша, благородные седины?

Теперь он точно знал, чего хотел. Как в полусне. Как в фильме, который в детстве, в клубе пионерского лагеря, прокручивали назад, к самому первому кадру. Он уже ехал по давно знакомой дороге, к такому желанному когда-то дому.

Как доехал, как объяснялся с совсем незнакомыми людьми, убеждая разрешить хоть на минуту проникнуть в их жилище, – ничего он не помнил. И в квартире всё, конечно же, было иначе. Чужие люди, чужая мебель. Ничего не осталось. Бесцеремонно и уже без всякой надежды утолить, унять своё смятение, толкнул он дверь в ванную. О чудо! Всё тот же роскошный чёрный мрамор! Лучше бы остались те же обои, тот же диван, наконец! Но эта ванна, эти узоры на изразцах – слышавшие, помнившие, кричащие! Это было выше его сил!

Уже попрощавшись, он вернулся и подошёл к окну. Внизу во дворе всё так же играли на детской площадке дети. Напротив подъезда беспорядочно парковались заметённые снегом машины. Три крохотных озерца вдалеке затянуло непрошеной ледяной слезой. Да вот ещё этот вид из окна – он тоже остался прежним...

ВОЛНОЮ МОРСКОЮ

О прекрасное дитя! Божественное создание! О юная прелестница! Любимая, балованная дочь всемогущего Посейдона и обольстительной, чарующей Сильфиды! Ты прекрасна, как утренняя заря, входящая в твоё сердце. Ты чиста и непорочна, как слеза младенца. Ты бездонна по сути и безгранична в своей любви. Прохлада твоя исцеляет, как глоток воды в жаркий полдень. Спокойствие умиротворяет и даёт силу и мудрость жить. Сдержанная, целомудренная ласка твоя возносит на небеса. Неистовая страсть поглощает, губит и вновь возрождает из пепла.

Волшебным, фантазмагорическим твоим нарядам несть числа. Томный, обольстительный бархат ночи, расшитый отражением мерцающих звёзд, утренний небесный пеньюар, едва скрывающий такую желанную наготу, ослепляющие, завораживающие переливы дневного убранства – все оттенки того единственного, неповторимого цвета морской волны, что присущи только тебе!

О морская волна! Чувственная глубина. Неопишуемая красота. Неисчерпаемая улада. Многоликая, свободолюбивая, своенравная, накрывающая с головой и уже не отпускающая! Косяки рыб непрестанно снуют рядом с тобой, тщетно ища твоего внимания. Самодовольный пузатый кит, подплыв, кичится, демонстрируя свой фонтан – накопленные – украденные? – миллионы. Глупец! Зачем они тебе? Какие-то иноверцы – кажется, их зовут людьми – пытались поймать тебя в сети, заточить в со-

суды. Смешные! Разве можно удержать молодость? Красоту? Любовь?

Уродец-осьминог, безнадёжно влюблённый в тебя, подносил тебе в своих щупальцах морскую звезду.

– Спасибо, осьминог! Я и сама звезда. Не только морская – мирская, небесная! Сам Нептун подбирает мне драгоценности – разноцветные кораллы, раковины, полные жемчуга.

Так отчего ты печальна, красавица? Зачем всё ласкаешься ты к тому бесчувственному, замшелому утёсу? Чего ждёшь от него – слова? улыбки? любви? Он слеп, он не видит тебя. Вокруг него неохватное море – безбрежное, бездонное. Как разглядеть в нём тебя? Длинноволосые ундины оплетают его своими скользкими чешуйчатыми хвостами. Сладкоголосые сирены поют ему лукавые, льстивые песни. Сердце его давно окаменело от этой фальши. И море, море вокруг – тех, кто лижет морской песок у его подножия, лоя любое его прекрасно-закатное отражение.

И тогда ты бьёшься, бьёшься с размаху о бездушный камень, рассыпаясь на множество мельчайших солёных брызг – слёз? осколков сердца? И воды твои сереют, и бесполезная ярость отнимает последние силы. А он всё так же царственно возвышается – безмолвный, немного насмешливый, неприступно-бесстрастный – почти рядом с солнцем. Или это оно и высушило все его слёзы?